

УДК 32.001
ББК 66
К 125

КАВКАЗ-2007. Ежегодник Института Кавказа. – Ер.: Институт Кавказа, 2009. – 256 с.

- К 125** Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия и справочные материалы: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Верстка: издательство «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2007. CI Yearbook. – Yerevan, CI, 2009. – 256 p.

The fifth CMI Yearbook sums up year 2007 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in May 2008 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2007. The papers reveal the overall political, economical and social trends in the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing and reference material by **Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan**

Cover design by *Matit* / www.matit.am

Text layout by *Collage* / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-219-6

ББК 66

© Институт Кавказа, 2009 г.

© 2009 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Швейцарского агентства развития и сотрудничества, Фонда Генриха Бёлля, Фонда Евразия Партнерство и Агентства международного развития США.

The publication of this volume was made possible by the support of the Swiss Development and Cooperation Agency, the Heinrich Böll Foundation, the Eurasia Partnership Foundation and USAID.

АРМЕНИЯ-2007: ПУБЛИЧНОСТЬ ПРОТИВ ЭЛИТНОСТИ

АЛЕКСАНДР ИСКАНДАРЯН

2007 г. был для Армении годом внутренней политики. Прежде чем перейти к описанию основного содержания этого во многом поворотного года, стоит лишь очертить общий внешнеполитический и экономический фон — назовем его условно «политэкономическим» - на котором в 2007 г. в Армении разворачивалась внутриполитическая интрига.

Политэкономический контекст

Начало 2007 г. ознаменовалось важным событием, для Армении формально внешним: 19 января в Стамбуле был убит главный редактор стамбульской газеты «Агос», этнический армянин Грант Динк. Убийство турецким националистом известного в стране человека и последовавшие за этим беспрецедентные для Турции демонстрации, когда десятки тысяч людей вышли на улицы с плакатами «Я - армянин», сделали выпукло видимыми изменения, происходившие в Турции еще начиная с 2004 г. В вопросе о Геноциде армян в Османской империи Турция давно превратилась в обороняющую сторону на многих западных площадках. Признание Геноцида многими странами и стремление Турции вступить в Евросоюз размывали монолитность ее позиции по отношению к Армении. Убийство Динка фактически переместило «армянский вопрос» внутрь Турции, сделало его частью турецкого внутреннего дискурса. Многочисленные газетные статьи, выступления известных людей и широкая огласка события по всему миру позволили изменить весь фон отношения Турции к Армении и армянам. Картина четкой и последовательной ориентации Турции на стороне Азербайджана против Армении стала как минимум более сложной, что, может быть, и не сразу, но должно было оказать влияние на весь комплекс уже межгосударственных отношений. В перспективе же изменения такого рода способны кардинальным образом повлиять на всю конструкцию региона.

Что касается прочих сугубо внешнеполитических событий, то они в 2007 г. практически отсутствовали или не имели для страны серьезного значения. Процесс урегулирования нагорно-карабахского конфликта продолжал стагнировать. Отношения с сопредельными странами и мировыми державами развивались по прежним схемам. Однако существенный для Армении внешнеполитический смысл имел ряд событий формально из экономической сферы.

19 марта был сдан в эксплуатацию трансграничный участок газопровода Иран-Армения. Газопровод имеет диаметр 711 мм вместо планировавшихся 1,5 м, таким образом, нынешняя пропускная способность позволяет импортировать всего 400 млн. куб м. газа в год, за который Армения будет расплачиваться электричеством, производимым с использованием того же газа. Экономический смысл события локален, не говоря уже о том, что собственно газ по газопроводу еще не пошел. Серьезное значение этот газопровод может приобрести, если станет транзитным как минимум в Грузию, что на сегодняшний день практически невозможно, учитывая тот факт, что газопровод строил «Армросгазпром» - это, судя по всему, и было той политической ценой, которая была заплачена за саму его возможность. Учитывая то, что контрольный пакет «Армросгазпрома» принадлежит России, а российско-грузинские отношения не проявляют тенденции к улучшению, вряд ли можно ожидать скорого расширения газопровода. Однако политический смысл события трудно переоценить. Сам факт его строительства делает возможной потенциальную диверсификацию поставки энергоносителей в Армению и шире, на Южный Кавказ. Газ на Южный Кавказ поступает только из России, которая, по понятным причинам, не должна быть в восторге от альтернативных путей. Не менее важно, а может быть, и важнее, еще одно обстоятельство: газ идет из Ирана. Америко-иранские отношения не первое десятилетие даже хуже российско-грузинских, а влияние США на Армению весьма существенно. Очевидно, что строительство газопровода было бы невозможным без согласования с США и Россией, и его открытие является серьезным политическим успехом Армении.

Еще несколько событий, происшедших в 2007 г. в экономической сфере, стали выражением другой, можно сказать, даже и противоположной тенденции, напрямую влияющей на политические перспективы Армении. Речь идет о резком увеличении участия рос-

сийского капитала в экономике Армении. 14 сентября ОАО «Мобильные телесистемы» (МТС) приобрела 80% акций Интернешнл Селл Холдинг, которая являлась собственником 100% К-Телеком (торговая марка Vivacell), а также заключила опционное соглашение на оставшиеся 20%. Сумма сделки составила 310 млн. евро. 21 сентября дочерняя компания российской инвестиционной компании «Тройка-диалог» «TDA Holding Limited» приобрела 96% акций Армпексбанка у британского предпринимателя Ваче Манукяна. 1 декабря Газпромбанк заявил о приобретении 80% Аресимбанка, одного из крупнейших банков Армении. В ноябре АО «Маднеули», дочерняя компания российской финансово-промышленной группы «Промышленные инвесторы», приобрела Араратский золотодобывающий комбинат.

Последним событием из этого ряда стало решение закрыть Мецаморскую атомную станцию к 2016 г. Собственно, вступив в программу «Европейская политика соседства», Армения уже согласилась закрыть АЭС, однако армянские официальные лица неоднократно заявляли о строительстве новой атомной электростанции. Глава Росатома Сергей Кириенко заявил, что российская сторона готова принять участие в строительстве, и более того, в финансировании строительства. Таким образом, еще более определенной стала российская политика, направленная на то, чтобы продолжать концентрацию энергетики Армении в руках российских компаний в русле концепции «либеральной империи», провозглашенной главой РАО «ЕЭС» Анатолием Чубайсом. Экономически эта политика отвечает потребностям армянской экономики.

Инвестиции в энергетику чрезвычайно важны для экономики Армении. Армения - единственная страна в регионе, которая экспортирует электроэнергию (в Иран и Грузию), так что перспективы наращивания мощностей для производства электричества увеличивают экспортный потенциал не имеющей энергоносителей страны. С другой стороны, все крупные энергоперерабатывающие мощности, как-то Мецаморская АЭС и Разданская ГРЭС, а также распределительные сети принадлежат российскому капиталу. Если также учесть и газораспределительные сети, и сам газ, который поступает также из России, становится очевидна монополизированность энергетической сферы Армении. Поскольку крупный российский капитал в огромной степени является де-факто государственным, то следует признать, что

у энергетической сферы Армении один хозяин. А сфера эта — одна из успешнейших в стране, правда, именно благодаря тем самым инвестициям. Несмотря на всю эту диалектику, недиверсифицированность этого и некоторых других сегментов экономики (например, сотовой связи) вызвала в 2007 г. постоянную обеспокоенность, находившую свое выражение в общественном дискурсе. Конечно, обвинения оппозицией власти в «распродаже страны и отдачи стратегических сфер экономики в руки иностранцев» — достаточно общее явление для постсоветского пространства, по крайней мере, в тех его странах, где есть оппозиция и пресса. Нельзя сказать, что Армения уже испытала какие-либо сложности в связи с такого рода монополизацией инвестиций, но и сам факт вызывает в обществе беспокойство. Сторонники такого рода политики напротив, утверждают, что других источников инвестиций такого размера для Армении, кроме российских, просто нет. В этой логике, возможная политическая мотивированность инвестиций наоборот, является преимуществом. Благодаря политическим мотивам как раз и удастся привлечь инвестиции такого размера, которые в маленькую небогатую проблемную страну из соображений «чистого бизнеса» просто не пойдут. Как ни расценивать это явление, факт, что в 2007 г. и без того непропорционально большая доля российского капитала в ряде стратегических сфер экономики Армении существенно увеличилась.

Внутренняя политика

В области внутренней политики в Армении в 2007 г. произошел целый ряд значимых событий, связанных с тем, что 2007 г. был годом подготовки к передаче власти, которая по Конституции должна была произойти в феврале 2008 г. Первым — и трагическим — событием в этом ряду стала скоропостижная кончина премьер-министра Армении Андраника Маргаряна, председателя правящей Республиканской партии. Маргарян скончался от инфаркта в марте 2007 г., и уже 2 апреля на заседании Совета Республиканской партии на пост премьера была выдвинута кандидатура министра обороны Сержа Саргсяна. Президент Кочарян кандидатуру утвердил, 4 апреля Саргсян был назначен премьер-министром, а вскорости стал и председателем правящей партии. Благодаря этим назначениям, Саргсян приобрел идеальный фундамент для выхода на парламентские выборы в мае 2007 г.

Парламентские выборы состоялись 12 мая 2007 г. В них приняли участие 22 партии и один политический блок. Борьба за места в парламенте была достаточно острой, притом что собственно идеологический компонент борьбы был довольно слабым. Серьезная конкуренция в ходе выборов развернулась не между партиями, а между элитными группами. Дело в том, что в Армении, ввиду специфики ее политического и экономического развития, крупный бизнес очень сильно завязан на существующую властную вертикаль, и к 2007 г. в стране сформировались различные, в том числе и крупные в ее масштабах бизнес-структуры, в значительной степени сращенные с чиновничьим аппаратом и региональными элитами. Фактически, армянскую политическую систему по состоянию на 2007 г. можно достаточно точно характеризовать как полиархию - систему, в которой распределение сегментов власти, в том числе и экономической, происходит в политике или рядом с политикой. Местом, в котором достигается консенсус между различными силами, претендующими на власть, в Армении является парламент. Именно поэтому представительство в парламенте столь важно для крупного бизнеса, и в армянском парламенте так много бизнесменов и лиц, представляющих их интересы. В результате бизнес-структуры, сложным образом распределяющиеся среди различных политических партий, в основном и боролись в 2007 г. за сегменты власти в будущем парламенте. Для бизнес-структур значимость парламентских выборов 2007 г. была очень велика, так как на следующий год должна была состояться смена власти — у действующего президента Кочаряна заканчивался второй президентский срок, и он по Конституции не имел права баллотироваться снова. А поскольку крупный бизнес в Армении переплетен с властной вертикалью, то его позиции очень сильно зависят и от того, кто именно эту вертикаль возглавляет, то есть от действующего президента. При смене президента гарантией сохранения позиций тех или иных крупных бизнес-структур становится их представленность в парламентских фракциях. Таким образом, парламентские выборы 2007 г. стали своего рода «праймериз», или подготовкой к президентским выборам 2008 г.

Интрига парламентских выборов 2007 г. состояла в том, что в борьбу за места в парламенте включился и действующий на тот момент президент Кочарян, которому предстояло уйти на следующий

год. Один из крупнейших бизнесменов Армении¹ Гагик Царукян незадолго до выборов создал партию «Прцветающая Армения», очевидно, именно с целью участия в предстоящих выборах. При общей убежденности армянского политического класса в том, что за спиной у Царукяна, прежде себя в политике никак не проявлявшего, стоит президент Кочарян, идея создания такой партии была вполне понятна. Она состояла в том, чтобы сформировать сильную, а в идеале — крупнейшую фракцию в парламенте, с тем, чтобы после ухода с президентского поста сохранить существенное политическое влияние и создать в стране некое подобие двоевластия. Естественно, у этого проекта не было никакого идеологического наполнения, так что предвыборная борьба представляла собой в чистом виде силовую игру. «Прцветающая Армения» очень решительно повела избирательную кампанию с позиций основного конкурента правящей партии. При этом население в целом отнеслось к парламентским выборам апатично. В результате противостояние республиканцев и «Прцветающей Армении» превратилось в сражение двух административных машин, задача которых состояла в том, чтобы собрать как можно больше голосов избирателей самыми разными способами, от подкупа в широком смысле этого слова — то есть раздачи картошки, прокладки дорог и установки дверей в подъездах — до давления на избирателей со стороны руководителей крупных предприятий и государственных структур. Велась и бурная кампания в СМИ, впрочем, почти начисто лишенная идеологической основы.

Однако стратегия президента Кочаряна не принесла ожидаемых плодов. Бизнес-структур, поддержавших «Прцветающую Армению» (в том числе Царукяна и других бизнесменов), и денег, вложенных в этот проект, оказалось недостаточно для победы. Республиканская партия с ее мощным административным аппаратом и значительной поддержкой бизнеса смогли одолеть сторонников Кочаряна, и по итогам этой весьма своеобразной политической интриги — борьбы действующего президента с действующим премьером —

---

¹ Таких бизнесменов, как Царукян, в Армении принято называть олигархами, но этот термин, вообще говоря, не совсем точен, так как в условиях отсутствия естественных (минеральных) ресурсов армянская политическая система носит скорее характер полиархии, чем олигархии (см. выше).

победу одержал премьер. Республиканская партия получила 65 из 130 мест в парламенте, а «Прорывающаяся Армения» - 25. Таким образом, партия премьера не просто обыграла партию президента более чем вдвое, но и получила фактическое большинство в парламенте — оставалось только привлечь в свою фракцию одного-двух независимых кандидатов, а это никогда не составляло проблемы.

В результате лидером фракции парламентского большинства, премьер-министром и очевидным номинантом на президентский пост от правящей партии стал один и тот же человек — Серж Саргсян, а президент Кочарян превратился в классическую «хромую утку», лишившись поддержки парламентского большинства, находясь в противостоянии с премьером и при этом по Конституции не имея возможности баллотироваться снова. Тот факт, что Серж Саргсян стал заведомым «наследником», то есть кандидатом на президентский пост от партии власти, в армянских и российских СМИ трактовался по аналогии с российским раскладом Путин-Медведев. Между тем, разница тут принципиальная: Путин до самого конца своего второго президентского срока полностью контролировал и парламентскую коалицию, и бизнес-элиты, и исполнительные структуры. При желании, он мог назначить своим наследником кого угодно, и причины, по которым его выбор пал именно на Медведева, до сих пор не вполне прозрачны. Кочарян же не имел вообще никакой возможности никого назначать. Саргсян добился статуса «наследника» путем политической борьбы, сумев возглавить партию власти и завоевать большинство в парламенте.

В общественном дискурсе в Армении, особенно в оппозиционном, ситуация во время и после парламентских выборов была воспринята в совершенно ином ключе. Утверждалось, что власть пошла на выборы «двумя колоннами», и что передача власти состоялась - гладко и чисто формально - внутри партии власти задолго до президентских выборов. Общество не восприняло Кочаряна и Саргсяна как конкурентов, но лишь как представителей одной и той же номенклатуры, передающих друг другу эстафету с целью сохранить власть этой номенклатуры. Строго говоря, такая точка зрения имеет право на существование, поскольку армянская политика в 2007 г. действительно носила элитный характер — группы внутри элиты (или номенклатуры) боролись за власть между собой, а широкие массы населения воспринимали эту борьбу как нечто, их совершен-

но не касающееся. Однако если судить не с бытовой точки зрения, а с политической, то утверждение об отсутствии конкурентности верным не является. Борьба имела место, и была очень напряженной, другое дело, что это была борьба элитная, в которой народ выступал в роли инструмента, а не главного действующего лица. Отказ армянского общества воспринимать Саргсяна и Кочаряна как конкурентов был, в конечном счете, отказом признать тот факт, что политика в Армении в 2007 г. носила элитный характер, и широкое участие граждан в политической жизни отсутствовало.

В парламент по итогам выборов прошло пять партий – Республиканская, «Прцветающая Армения», «Дашнакцутюн», «Страна законности» и «Наследие». Последние три получили соответственно 16, 8 и 7 мест в парламенте. Дело тут даже не в миноритарности результатов, а в том, что эти три партии изначально не претендовали на широкую поддержку масс. Партия «Дашнакцутюн» – возможно, единственная в Армении «классическая» политическая партия – получила на выборах голоса своего традиционного электората, голосующего за нее пусть и не по идеологическим, но все же по ценностным причинам (платформа партии «Дашнакцутюн» представляет собой не идеологическую программу, а некий набор ментальных ценностей¹). Партия «Наследие» четко определило для себя оппозиционную нишу и получила голоса части протестного электората. «Страна законности» вела бурную, хотя и невнятную кампанию тоже скорее оппозиционного толка. Так или иначе, ни одна из этих трех партий не готовилась к тому, чтобы стать основным конкурентом республиканцев или же не имела для этого достаточных ресурсов².

По итогам парламентских выборов политический расклад выглядел идеальным для Сержа Саргсяна, и проведение будущих выборов

---

¹ В программу «Дашнакцутюн» по сугубо историческим причинам (партия была создана в конце XIX в.) входит и некая социалистическая компонента.

² Из этих трех только партия «Дашнакцутю» имела и финансовые, и медийные, и человеческие ресурсы для более широкой политической борьбы, но для этого она должна была выйти за пределы своего традиционного электората и охватить более широкие массы. Это потребовало бы смены – или как минимум размывания – ее ценностной платформы, что резко ударило бы по поддержке «Дашнакцутюн» вне пределов Армении, где как раз и формируются источники ее финансовых, медийных и человеческих ресурсов.

в 2008 г. воспринималось как проблема сугубо техническая и даже менее сложная, чем проведение выборов парламентских в 2007 г. Однако 21 сентября 2007 г., в день 16-летия Республики Армения, произошло событие, резко изменившее политическую реальность страны. На политическую арену после почти десяти лет политического небытия вернулся первый президент Армении Левон Тер-Петросян. С момента своего смещения с поста президента в 1998 г. Тер-Петросян не только не участвовал в политике, но и не фигурировал в общественной жизни. Его возвращение в политику могло означать только одно – и действительно, уже в октябре 2007 г. Тер-Петросян объявил, что будет выставляться на президентский пост.

6 декабря 2007 г. ЦИК Армении завершил прием документов у девяти кандидатов на пост президента. В их числе были

- действующий премьер-министр и глава правящей партии Серж Саргсян,
- первый президент Армении Левон Тер-Петросян и первый премьер-министр Армении Вазген Манукян,
- два кандидата от парламентских партий - Артур Багдасарян от партии «Страна законности» и Ваан Ованисян от партии «Дашнакцутюн»,
- несколько руководителей непарламентских партий (глава партии «Национальное единение» Атрашес Гегамян, глава Народной партии Тигран Карапетян и глава партии «Национальное согласие» Арам Арутюнян),
- бывший советник президента и бывший глава МИД Нагорного Карабаха Арман Меликян.

Как и в случае с парламентскими выборами, в реальную борьбу за президентское кресло включились только два кандидата – в данном случае действующий премьер и первый президент. Все остальные шли на выборы по самым разным причинам. Совсем миноритарные кандидаты стремились просто засветиться в политике. Кто-то стремился получить более крупный сегмент власти в будущем правительстве. Некоторые политические деятели просто не могли не выставляться – например, партия «Дашнакцутюн» не могла не пойти на выборы в силу имиджа серьезной и весомой парламентской партии. У некоторых были, скорее всего, специфические личные амбиции и финансовые возможности для их удовлетворения. Саргсян и Тер-Петросян боролись всерьез.

Приход Тер-Петросяна перевернул весь ход выборов. Официальная избирательная кампания началась 20 января 2008 г. и соответственно, она выходит за пределы данного рассмотрения. Однако какой она станет, было известно уже в конце 2007 г. Уже к осени Тер-Петросян реформатировал всю запрограммированную политическую реальность, в которой наследнику-Саргсяну предстояло просто организовать правильное голосование на фоне прогрессирующей апатии электората. Вместо этого у Саргсяна вдруг появился конкурент на поле, на котором он вообще не собирался работать – на поле идеологическом. Поскольку идеологическая борьба не планировалась в принципе, при выдвижении кандидата от партии власти его способность к идеологическому лидерству не была востребована, и не удивительно, что Саргсян ею не обладал – он вообще не публичный политик, а типичный администратор. Тер-Петросян же – блестящий трибун, полемист и идеолог, его ресурс – обращения, митинги, встречи с избирателями. В результате борьба шла в двух почти непересекающихся полях: административном и публичном.

С появлением Тер-Петросяна борьба за президентское кресло не только идеологизировалась, но и приобрела при этом остроту, которой никто не ожидал. Фактически, Тер-Петросян построил свою кампанию именно на том, что предложил обществу отказаться от сценария элитной политики и перейти к сценарию широкого политического участия. Кампания была основана на утверждении, соответствовавшем общественным ожиданиям: Саркисян и Кочарян – представители коррумпированной Системы, которую необходимо отменить в принципе. Тер-Петросян создал политический канал для выражения социального протеста, предложив обществу себя в качестве института, способного воплотить этот протест. Расчет делался на полный слом административной машины. Тер-Петросян в некотором смысле делал то же, что уже один раз с успехом сделали он и его соратники в ходе революции 1988-1991 гг., когда им удалось так сильно раскрутить общественный протест, что элитные группы испугались и перестали поддерживать власть. Если бы это удалось и на этот раз, то власть пала бы сама, поскольку она опирается только на элиты, а широкой социальной поддержки у нее нет. При достаточной компактности Армении и плотности социальных связей, против административной машины и СМИ можно бо-

роться средствами «от двери к двери», путем митингов и демонстраций, что и было с успехом сделано в 1991 г.

Однако кампания 2007-2008 гг. имела и очень важное отличие от 1988-1991 гг. В конце восьмидесятых-начале девяностых враг был внешним, борьба представлялась как национально-освободительная, как противостояние силам, расположенным за пределами армянского общества (Баку и/или Москве). В данном случае враг был внутренний – действующая номенклатура. Соответственно, для победы этого внутреннего врага надо было позиционировать как внешнего, с тем, чтобы его можно было отторгнуть¹. Борьба неизбежно радикализировалась в некоем латиноамериканском стиле, предвыборная кампания и выборы обещали стать остро конкурентными и драматичными, что и подтвердилось всем ходом событий весны 2008 г.

---

¹ Забегая вперед, можно привести такой пример: в ходе собственно предвыборных митингов, Тер-Петросян называл Кочаряна и Саргсяна «татаро-монголами», то есть приравнивал их к иноземным захватчикам.